
О. А. МАШКИНА

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ЦЕННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ КИТАЙСКИХ ВУЗОВ

В современном Китае образование рассматривается как базовое условие для поворота от экстенсивной к инновационной модели развития. Под влиянием новых экономических и жизненных реалий меняются мировоззрение и шкала ценностей современной китайской молодежи. От того, сумеют ли молодые специалисты полноценно реализовать свой потенциал, зависят перспективы инновационного развития. С этих позиций рассмотрим вопрос, в какой степени коррелируют профессиональная подготовка, целевые установки и предпочтения студентов китайских вузов с социально-экономическими планами руководства КНР.

Ключевые слова: выпускники вузов, инновационное мировоззрение, традиционные ценности, безработица, структура современной рабочей силы.

Наращение неблагоприятных последствий экстенсивного промышленного роста КНР (надвигающаяся экологическая катастрофа, нерациональное использование природных ресурсов, несбалансированное региональное развитие, социальное неравенство и несправедливость), а также замедление темпов экономического развития обуславливают необходимость отказа от экстенсивной стратегии развития страны. Перед КНР стоит задача превращения из крупнейшего производителя товаров и импортера технологий в мирового экспортера инновационных идей и технологий. В мае 2015 г. была опубликована программа «Китайское производство 2025», предусматривающая трансформацию производства за счет внедрения цифровых технологий и высокотехнологического оборудования. Экономическую эффективность планируется повысить через увеличение доли интеллектуального труда, уменьшение потребления невозобновляемых ресурсов, перемещение трудоемких производств в отсталые районы страны для стимулирования их развития. В идеале предполагается, что на территории Китая станут

История и современность, № 1, март 2016, 181–197

осуществляться исследования и разработки, а производство и маркетинг будут перенесены за рубеж и размещены в зоне Нового Шелкового пути. Эта программа в СМИ стала называться «Промышленность Китая, версия 4.0». Очевидно, что главенствующую роль в осуществлении этих грандиозных планов играет психологическая и профессиональная готовность активной части населения к предстоящим социально-экономическим трансформациям и изменениям трудовых функций.

В структуре современной рабочей силы КНР происходят существенные сдвиги. Доля населения в трудоспособном возрасте (15–64 года) в КНР достигла пика в 2011 г. (72,3 %), после чего началось ее постепенное уменьшение. За более чем три десятилетия политики сдерживания рождаемости численность детей в возрасте до 14 лет сократилась до 16,5 %. Падение численности трудоспособного населения в возрасте 15–59 лет сопровождалось ростом контингента пожилых граждан. В результате за полвека с 2000 по 2050 г. соотношение между этими двумя категориями населения может сократиться с 10:1 до 2,8:1 (Hu Yifan 2012). Правительство страны в последние годы предпринимает решительные шаги, с тем чтобы переломить неблагоприятную демографическую ситуацию¹. Но даже если меры по стимулированию деторождения и не принесут ожидаемых результатов, демографический спад может быть компенсирован более высоким уровнем образования вступающих в трудовой возраст молодых людей. За последние 7 лет, как свидетельствуют данные табл. 1, масштабы обучения и повышения квалификации занятого населения возросли более чем на 50 %, а средняя продолжительность обучения тех, кто впервые трудоустраивается, увеличилась почти на 3 года.

¹ Семьям, где один из родителей был единственным ребенком, позволено иметь двух и более детей. Пока численность воспользовавшихся этим правом оказалась ниже ожидаемой, особенно в городах, из-за страха молодых пар, что появление второго ребенка приведет к ухудшению качества жизни.

Таблица 1

Показатели повышения качества рабочей силы

	2009	2015	2020
Среднее кол-во лет обучения населения в трудоспособном возрасте (годы)	9,5	10,5	11,2
Доля лиц, имеющих высшее образование, среди людей в работоспособном возрасте (%)	9,9	15,0	20,0
Среднее кол-во лет обучения у вступающих в трудовую жизнь (годы)	12,4	13,3	13,5
Доля лиц, имеющих уровень образования выше обязательного, при первичной занятости (%)	67,0	87,0	90,0
Продолженное образование (без отрыва от производства) (млн чел./раз)	166,00	290,00	350,00

Источник: Гоцзя... 2010: 43.

Одновременно с повышением уровня благосостояния и образования трудоспособного населения в КНР выросла и стоимость рабочей силы. С 2006 по 2011 г. среднегодовая зарплата в стране удвоилась – с 20,856 юаней (\$3,280) до 41,799 юаней (Hu Yifan 2012). Изменение конъюнктуры повлекло, с одной стороны, отток иностранного капитала и заказов из Китая в другие страны с более дешевой рабочей силой, а с другой – ускорило темпы урбанизации и активизировало рост сегмента инновационной продукции внутри самой страны. Для обеспечения развития собственных наукоемких отраслей руководством КНР была разработана «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 гг.». Ее цель – формирование инновационной среды для проведения исследований, технологических разработок, производства интеллектуальной продукции внутри Китая, создания собственных передовых ресурсосберегающих технологий, освоения новых материалов.

Динамика развития научно-технической сферы, представленная в исследовании ученых пекинского Университета Цинхуа, проводимого под руководством авторитетного экономиста Ху Аньгана, свидетельствует о быстром наращивании КНР интеллектуального потенциала (табл. 2).

Таблица 2

Показатели научно-технического развития КНР

	1980	1990	2000	2009	2020
Удельный вес расходов на НИОКР в общем объеме мировых расходов (%)	1,3*	1,7	2,9	12,1	18,0
Удельный вес научно-технических работников в общей численности НТР в мире (%)	–	10,2 **	10,1	19,7***	30,0
Удельный вес научных публикаций в общей численности научных публикаций в мире (%)	0,2	1,3	3,7	10,9	18,0
Удельный вес подаваемых патентных заявок в общей численности подаваемых патентных заявок в мире (%)	–	0,9	3,1	18,2	25,0
Удельный вес экспорта продукции высоких технологий в общем объеме мирового экспорта (%)	0,03	0,6	3,7	19,7	25,0

*Данные за 1981 г., **данные за 1995 г., ***данные за 2007 г.

Источник: Островский 2013: 220–221.

Во втором десятилетии XXI в. КНР вошла в число 30 самых инновационных государств мира, а по многим показателям стала лидером. Так, например, в базе данных индекса научного цитирования (SCI) китайские ученые в 2013 г. занимали первые позиции в списке авторов. В 2014 г. граждане КНР подали самое большое количество заявок на международную регистрацию патентов. В 2015 г. по численности научно-технических работников – более 71 млн человек – Китай обогнал США (Чун Яту 2015: 42). Инновации, как видим, становятся действенным фактором развития страны. Но несмотря на достигнутые успехи, Китай по-прежнему технологически зависим от западных партнеров. Большая часть ис-

пользуемых в производственных отраслях Китая патентов и ключевых технологий принадлежат иностранным инвесторам. Массовость и энтузиазм, как понимают и признают в самом Китае, не являются показателями качества.

Важной составляющей успеха на пути создания инновационного общества является психологическая и технологическая готовность нации воспринимать новое. Китай успешно использует и совершенствует западные технологии для своих нужд, но переход от экономики заимствования и копирования к производству оригинальных идей и продуктов будет очень непростым. По мнению экспертов, «в Китае инновации намного более практичны, чем в других странах мира, здесь никто не будет изобретать просто так, все думают о рыночных перспективах. Речь идет об улучшении технологических качеств, создании новых бизнес-моделей, конвергенции – словом, о любых надстройках над сделанным где-то “фундаментальным” изобретением» (Завадский 2010).

Сомнения в том, что КНР удастся стать центром генерирования новых идей и технологий, многие российские и зарубежные ученые связывают с особенностями традиционных социальных институтов, с культурными ценностями и ментальностью китайцев (Кульпин, Машкина 2014: 142; Ясин 2009: 291; Мокир 2014). Китай, как известно, на протяжении тысячелетия лидировал в области инноваций. Порох, компас, сейсмограф, фарфор, бумага, книгопечатание – вот небольшой список китайских изобретений, которые играют важную роль в развитии человеческой цивилизации. Однако исторический парадокс заключается в том, что большинство изобретенных в древности и раннем Средневековье технологий не нашли дальнейшего применения в хозяйственной сфере страны. Китайский философ Фэн Юлань в опубликованной в 1922 г. статье «Почему в Китае нет науки» объяснял причины начавшейся в конце XVII в. научно-технической стагнации страны традиционными философскими воззрениями, в соответствии с которыми внедрение новых научно-технических знаний приводит к нарушению равновесия между человечеством и его естественным окружением (Мокир 2014). Такой довод действительно имеет под собой основания. Профессор Э. С. Кульпин в ряде работ, посвященных генезису китайской цивилизации, блестяще показал, что консервация техники

и технологий была одним из факторов, позволявших удерживать баланс между численностью населения и природными ресурсами и тем самым обеспечивать благоденствие китайского общества с конца I тысячелетия до н. э. до начала XVIII в. Произошедший в конце XVII в. демографический взрыв привел к слому традиционных механизмов государственного управления и нарастанию деструктивных социальных и экономических процессов (подробнее см.: Кульпин, Машкина 2002; Кульпин 2009).

Конфуцианство, ставшее государственной идеологией Китая в раннем Средневековье, дало теоретическое обоснование социально-политическому, социально-производственному и социально-психологическому механизму поддержания гармонии между человеком, природой и обществом. На его основе были созданы уникальные концепции и технологии управления, позволившие сконцентрировать все умы страны на задаче совершенствования системы государственного управления. Конфуцианство сформировало в обществе идеал «ученого мужа». Это человек, который, невзирая на житейские невзгоды, через упорное обучение стремится сам и помогает другим достичь нравственных вершин. Почти все интеллектуалы-конфуцианцы становились советниками при правящих дворах. Истории их жизни, известные всем китайцам с детства, свидетельствовали о том, что высокие моральные качества и ученость всегда вознаграждаются. В ценностях современных китайцев, независимо от того, проживают ли они в КНР или эмигрировали в другие страны, сохраняется приверженность образовательным и нравственным идеалам прошлого (Цзинь Ли 2015). Меритократический принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди независимо от их социального происхождения и финансового достатка, не только оказал большое влияние на формирование приоритетов в шкале традиционных китайских ценностей, но и повлиял на отбор содержания обучения.

В китайском обществе укоренилось представление о превосходстве гуманитарных знаний над научно-техническими. Знание природы человека и общества, обеспечивавшее вертикальную мобильность, формализовалось в главенствующее направление образования. Познание физического мира осталось в сфере производ-

ственно-технической деятельности. Формальное образование базировалось на письменной культуре, в то время как производственное ученичество – на устной традиции (подробнее см.: Кульпин, Машкина 2002). Несмотря на различия в двух параллельно развивающихся культурах, массовое и элитарное обучение базировалось на общих принципах: добросовестном изучении и воспроизводстве достижений прошлого. Копирование образцов, признанных эталонами, превратилось в основной метод обучения. Умение подражать ценилось выше индивидуального творчества. Недоверие к нововведениям, глубоко укоренившееся в патриархальных представлениях китайцев, прекрасно иллюстрирует следующий пример. В конце 1980-х гг., когда крестьяне получили свободу производственной деятельности, односельчане поучали молодого изобретателя, выпускника технического колледжа: «За тысячи лет до такой машины никто не додумался, а ты вдруг построил... не надо уподобляться кошке, задумавшей поймать в небе лебедя. ...Если бы затраченное на изобретательство время и деньги ты использовал, как мы, то имел бы большой дом» (Салтыков 1990: 92).

Жизненные ценности и нормы поведения, как известно, закладываются в семье. Взрослея, человек проходит свои «университеты жизни». Его взгляды и убеждения претерпевают изменения, но, как правило, с запозданием. И только система образования может создать базовые условия и мотивацию для их целенаправленной трансформации на опережение. В современном Китае образование рассматривается как базовое условие для поворота от экстенсивной к инновационной модели развития. Под влиянием новых экономических и жизненных реалий меняются мировоззрение, шкала ценностей современной китайской молодежи, и в первую очередь студенчества. От того, сумеют ли молодые специалисты полноценно реализовать свой потенциал, зависят перспективы инновационного развития страны. С этих позиций рассмотрим вопрос, в какой степени коррелируют профессиональная подготовка, целевые установки и предпочтения учащейся молодежи с социально-экономическими планами страны.

В настоящее время в структуре рабочей силы КНР преобладают люди молодого и среднего возраста, взросление которых пришлось на период социально-экономической модернизации. Они отлича-

ются от поколений своих отцов и дедов не только уровнем знаний, но и другой жизненной идеологией, амбициями, потребностями и возможностями. Прежде всего они родились в эпоху перемен, а вернее, в обществе, которое осуществляет три поворота: к внешнему миру, будущему и модернизации. Устремленность в будущее, открытость вовне и позитивное отношение к переменам – вот те идеологические установки, которые закладываются государством в личностные качества современного молодого гражданина Китая. Но наряду с общими можно выделить некоторые специфические поколенческие характеристики.

Те, чей возраст приближается к 40 годам, выросли в семьях, где старшее и среднее поколения хорошо помнили бедствия другой эпохи перемен – «культурной революции» – с ее нищетой, неграмотностью и политическим беспорядком. «Послереволюционное» общество было объединено целью вырваться из бедности и унижения. Городское и сельское население с равным энтузиазмом и практически с одинаковых исходных позиций приступило к реализации провозглашенной Дэн Сяопином установки «Обогащайтесь!». Конечно, партийно-административные работники, так называемые «ганьбу», обладали большими, чем остальные граждане, преференциями, но их численность была не столь велика, чтобы они могли инициировать экономический взлет, который наблюдается в КНР на рубеже веков. В отсутствие денег и системных профессиональных знаний стартовым капиталом у простых китайцев становились опыт отцов, изворотливость, смекалка, а также такие традиционные характеристики, как трудолюбие, умение переносить лишения во имя поставленных целей, бережливость и клановая взаимопомощь. Столкновение новых реалий и старых ценностей оказало большое влияние на становление промежуточного социально-психологического типа личности молодого китайца, дрейфующего между нормами и ценностями традиционного – локального и модернизирующегося – глобального (а по сути западного) мира.

Детей, родившихся после 1990 г., называют в китайской прессе «поколением пост-девяностого». Они росли и формировались в более открытую и благополучную эпоху, когда реформы уже дали свои положительные результаты. Из-за жесткого государственного контроля за рождаемостью в 1980–1990-е гг. единственный ребенок

в семье превращался в главный объект заботы китайских родителей. Жизненный успех своего чада они связывали с тем, чего были лишены сами из-за «культурной революции»: получением качественного образования. Китайские родители были готовы на любые жертвы ради создания благоприятных условий для учебы своих детей. В такой атмосфере у ребенка воспитываются, с одной стороны, трудолюбие, исполнительская добросовестность, с другой – потребительство, безынициативность, эгоизм.

Открыв для себя внешний мир, получив представление, пусть и поверхностное, о жизненных стандартах и интересах молодых людей в развитых странах, китайская молодежь меняет свои жизненные концепции и мировоззрение. Их представления о трудоустройстве и трудовой деятельности также существенно отличаются от этики трудовых отношений предыдущего поколения. У поколения пост-девяностого, по мнению представителя китайского филиала рекрутинговой международной компании *Deloitte* («Делойт») Ван Вэньци, наблюдается более высокий уровень профессиональной зрелости и понимания бизнеса, сформированы навыки быстрого поиска нужной информации. Они отличаются большей уверенностью в себе и своих способностях. В то же время их самооценки выше тех, которые им дают окружающие. Как только у них появляются неудачи на работе, они тут же стремятся сменить работу (Ли Хуэйпэн 2012: 49).

Главным приобретением поколения 90-х и пост-90-х гг. наряду с открытостью вовне является возможность получить высшее образование. В 1996 г. только 4 % китайцев в возрасте 18–22 лет учились в вузах, сейчас 30 % данной возрастной когорты являются студентами вузов (Bothwell 2015). Таким образом, если для тех, кто родился в 80-е гг. прошлого столетия, высшее образование было малодостижимой мечтой, то для поколения 90-х гг. оно стало реальностью. В 2015 г. численность студентов вузов КНР превысила 30 млн человек и к 2020 г., по прогнозам, увеличится до 33 млн человек (Гоцзя... 2010: 11). Набирает популярность обучение за рубежом. В 2013 г. на учебу за границу выехало 414 тыс. молодых китайцев (Чжунго... 2015: 008).

Стремительный рост масштабов высшего образования тем не менее в большей степени обусловлен тем горизонтом будущего

Китай, видение которого руководство страны закладывает в концепции средне- и долгосрочного развития, а также представлениями общества о стратегии жизненного успеха, нежели насущными экономическими потребностями. 99 % китайских предприятий – это предприятия среднего, малого и сверхмалого типа. Срок жизнедеятельности малых предприятий в среднем составляет 3,7 года. Их владельцы не вкладывают средства в техническое оснащение своего бизнеса и повышение уровня профессиональной подготовки работников. Профессиональные и общенаучные знания мало востребованы на конвейерном производстве продукции по заданным образцам. В 2012 г. 60 % занятых на средних и малых предприятиях в лучшем случае окончили 9 классов, то есть среднюю школу первой ступени (Гун Шанбао 2012: 31). Крупные государственные и акционерные заводы действительно нуждаются в квалифицированных инженерно-технических кадрах, но их готовят в системе среднего и высшего профобразования, а не в общеобразовательных университетах. Таким образом, не подкрепленное запросами рынка труда многократное увеличение численности выпускников вузов привело к резкому обострению структурной безработицы в КНР.

В июне 2013 г. Пекинский университет провел шестой за 10 лет мониторинг жизненных планов студентов последнего года обучения. Его результаты были опубликованы в виде доклада о трудоустройстве выпускников вузов в ежегодно издаваемой «Синей книге образования» в 2014 г. (Чжунго... 2014: 015–027). В исследовании были представлены все категории вузов: академические и профессиональные, центральные и локальные, относящиеся к разным формам собственности, имеющие разные источники финансирования и расположенные в различных по уровню социально-экономического развития районах КНР. Среди анкетированных были выпускники профессиональных колледжей, которым не присваивается академическая степень, а также выпускники общеобразовательных университетов: бакалавры, магистры и докторанты. Респонденты из ключевых, престижных университетов составили 29,3 %, местных общеобразовательных университетов – 28,9 %, высших профессиональных колледжей – 28,1 %, негосударственных вузов – 13,7 % (Там же: 017). Обследование позволяет составить представление о вызовах, с которыми сталкиваются молодые специалисты

в начале своей трудовой карьеры, и обрисовать дальнейшие жизненные траектории выпускников 2013 г., типичные для выпускников последних нескольких лет.

Как показало обследование, наиболее «твердо стоят на ногах» те, кто имеет степень магистра и Ph.D. Свыше 86 % из них к завершению обучения уже имели реальные жизненные планы. Почти 77 % магистров нашли работу, 7,1 % продолжили обучение в докторантуре, 2,1 % уехали за границу. Следующими по степени успешности решения проблем жизнеустройства были выпускники высших профколледжей. Среди них доля впервые трудоустроившихся составила 70,2 %. Еще почти 9 % респондентов поступили в университеты Китая на программы бакалавриата. Наиболее тревожная ситуация складывалась у бакалавров. Только 47,3 % сразу по окончании вуза смогли найти работу. Около 20 % были намерены продолжить обучение в магистратуре (Чжунго... 2014: 019).

Респонденты, которые уже нашли работу, распределились следующим образом: в мегаполисах Пекине, Шанхае и Тяньцзине – 12,8 %, в Восточном экономически продвинутом районе – 46,0 %, в индустриальном Центральном Китае – 22,2 %, в слаборазвитом Западном регионе страны – 19,0 % (Там же: 023). Невысокий удельный вес трудоустроившихся в мегаполисах, вероятно, можно объяснить тем, что лучшие трудовые позиции там уже давно заняты. Кроме того, стремительный рост в последние годы стоимости жизни в Пекине и Шанхае привел к тому, что многие молодые люди, не имеющие жилья, вынуждены перебираться в более дешевые города. Новым дипломированным специалистам, как показывают статистические данные, проще всего было устроиться в провинциальных столицах, городах прямого подчинения (52,6 %), а также в крупных провинциальных городах (33,4 %). В уездных городах обосновались 11,2 %, а в поселках уездного типа и деревнях, то есть в сельской местности, остались лишь 2,7 % выпускников 2013 г. Из этого можно сделать вывод, что на большей части территории страны по-прежнему преобладает трудоемкий тип хозяйствования, основанный на неквалифицированном труде. По формам и типам производства распределение выпускников выглядело так. На предприятиях, созданных на частные и коллективные средства, трудоустроились 38,2 % выпускников; на государственных

предприятиях – 30,2 %; на предприятиях со смешанным капиталом – 7,6 %; в государственных организациях и структурах – 5,8 % (Чжунго... 2014: 023).

Очевидно, что у выпускников профессиональных колледжей при сложившейся экономической конъюнктуре гораздо больше шансов найти работу, чем у молодых специалистов с общеобразовательной университетской подготовкой. К этому можно также добавить, что зарплаты выпускников средних и высших профессиональных колледжей растут быстрее, чем у выпускников общеобразовательных вузов. Тем не менее большинство школьников при полной поддержке родителей делают выбор в пользу поступления в общеобразовательные вузы. Это может показаться парадоксальным, если не принимать во внимание ценность гуманитарного образования в старом Китае.

Устойчивость традиционных стереотипов в современном КНР подтверждается многими исследованиями. Так, китайский научно-исследовательский центр по вопросам подростков и юношества проводил в 2014 г. обследование учебных предпочтений школьников КНР, Южной Кореи, Японии и США. Оказалось, что, хотя китайские старшеклассники интересуются наукой больше, чем их сверстники из остальных стран, доля тех, кто намерен изучать в вузах естественно-научные, технические и медицинские специальности, среди китайских подростков ниже, чем в других исследованных странах (Отклики... 2014: 12). Наряду с приоритетом гуманитарного образования над техническим в китайском обществе сохраняется представление о превосходстве государственной службы над остальными видами деятельности. Об этом свидетельствуют данные рекрутинговой компании «Чжаопинь» (*Zhaopin*), представленные в табл. 3 (Su Zhou 2015: 5).

Работа в государственных структурах, как видим, привлекает в совокупности почти 43 % вступающих в трудовую деятельность молодых специалистов. Начиная с 2003 г. в КНР проводятся публичные экзамены на замещение вакантных мест в государственных структурах. Фактически это означает восстановление в новом формате институционализированной еще в VII в. системы экзаменационного отбора наиболее достойных интеллектуалов на государственную службу. В среднем на одно место в госструктурах приходится

40–50 соискателей. Безусловно, перспективы карьерного роста, стабильность работы и обеспеченный социальный пакет являются важным доводом в пользу выбора государственного учреждения как места будущей работы, но нельзя сбрасывать со счета и такие мотивы, как возможность заработать социальный капитал и приобрести власть, а также традиционно высоко оцениваемое стремление внести свой вклад в служение обществу. Эти основания вошли в 10 важнейших факторов, влияющих на выбор места работы (Чжунго... 2014: 026). Хотя за последние два года наблюдается снижение численности подающих заявку на участие в публичных экзаменах на госслужбу, вероятнее всего, это объясняется возросшими требованиями к претендентам.

Таблица 3

Представления выпускников вузов об идеальном месте работы, %

	2013	2014	2015
Транснациональные компании	25,8	21,7	23,5
Государственные компании	29,0	22,6	21,7
Госслужба (правительство)	10,3	11,7	9,4
Аффилированные с правительством институты и сферы деятельности	8,5	12,1	11,7
Негосударственные организации	1,0	0,6	1,1
Частный сектор	10,0	7,7	10,1
Создание собственного бизнеса	4,8	3,9	5,3

Выпускники вузов также мечтают о работе в транснациональных компаниях. Можно предположить, что наряду с перспективой высокой зарплаты движущей силой такого выбора является желание занять трудовую позицию в модернизированном секторе экономики и управления, более соответствующем профессиональным ожиданиям и уровню подготовки выпускников университетов. Однако появление новых рабочих мест, соответствующих запросам образованной молодежи, не успевает за темпами роста численности выпускников вузов, поэтому реализовать эту мечту могут далеко не все желающие.

Острая конкурентная борьба за хорошо оплачиваемые рабочие места порождает неудовлетворенность и неуверенность даже среди

тех, кому посчастливилось удачно решить проблему трудоустройства. В 2015 г. авторитетный китайский сайт вакансий «Чжилянчжаопинь» провел опрос 9272 «белых воротничков». Оценивались такие параметры, как карьерный рост, зарплата, межличностные отношения. Уровень удовлетворенности карьерным ростом у опрошенных недотягивал до низшего предела оценки. 61,5 % респондентов выразились скептически по поводу возможности продвижения по службе, при этом только 6,2 % не стремились к карьерному росту. 41 % опрошенных в течение 2014 г. не брали отпуск, видимо, из опасений потерять работу (Белые... 2015: 41).

Проблемы с трудоустройством являются одним из главных мотивов, побуждающих выпускников бакалавриата поступать в магистратуру. По данным опроса, проведенного компанией MyCOS в январе 2013 г. накануне вступительных экзаменов в магистратуру, 34 % респондентов заявили, что сдают экзамены из-за карьерных устремлений; 29 % поступали в магистратуру для того, чтобы перейти в более престижный вуз, и лишь 9 % объяснили мотивы поступления желанием найти себе применение в научно-исследовательской деятельности (Главные... 2013).

Структурная безработица является, с одной стороны, индикатором неравномерности регионального развития страны, отсутствия взаимосвязи между структурой высшей подготовки и запросами работодателей, а с другой – отражает растущую дифференциацию потребностей самих выпускников вузов. В студенческой среде возникают ожидания, не соответствующие реальным возможностям и потребностям китайской экономики. Переломить неблагоприятные тенденции в сфере подготовки и занятости можно, направив трудовую активность выпускников вузов в русло создания собственного инновационного бизнеса. В мае 2015 г. правительство КНР обязало вузы разрабатывать и запускать специальные программы стартапов для поддержки молодых предпринимателей. На территории технопарков и университетских кампусов открыты 600 бизнес-инкубаторов. Их услугами уже пользуются 40 тыс. компаний, в которых заняты 700 тыс. человек (Корней 2015: 45). В настоящее время, как показывают данные табл. 3, лишь 5 % выпускников настроены открыть собственный бизнес, однако широко рекламируемые в китайской прессе примеры успешного опыта молодых бизнесменов в

сфере высокотехнологичного производства, несомненно, дадут позитивные результаты. Тем более, как уже ранее упоминалось, китайцы умело копируют чужой успешный опыт.

Подводя итоги, можно сказать, что в современном Китае сохраняется противоречие между установкой на подготовку инновационно мыслящих специалистов и преобладанием трудоемкого типа хозяйствования, где научные знания мало востребованы. Анализ профессиональных запросов учащейся молодежи, карьерных устремлений и жизненных планов выпускников вузов показал, что их встраивание в технологическую модернизацию страны проходит медленно. В то же время в продвижении по инновационно-технологическому пути китайское руководство может опираться только на поколения, выросшие в атмосфере открытости и нацеленные на повышение своей конкурентоспособности путем самосовершенствования. Таким образом, традиционные ценности могут быть переориентированы на достижение нужных государству целей. Безусловно, те большие средства, которые Китай вкладывает в создание благоприятных условий для развития инновационных бизнес-проектов, распространение нового мышления, творческой культуры и коммерческой инициативы в молодежной среде, дадут свои плоды. Но произойдет ли это в намеченные руководством страны сроки, сказать трудно.

Литература

Белые воротнички в Китае. 2015. *Китай* 3(113): 40–41.

Главные новости дня. 2012. *Жэньминь Жибао онлайн* 26 октября. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7991974.html>.

Главные новости дня. 2013. *Жэньминь Жибао онлайн* 6 января. URL: <http://russian.people.com.cn/31517/8079333.html>.

Гоцзя чжунчанци цзяюй гайгэ хэ фачжань гуйхуа ган яо (2010–2020). 2010. (国家中长期教育改革和发展规划纲要 (2010–2020年). Среднесрочная и долгосрочная государственная стратегия реформы образования и планирования развития образования (2010–2020 гг.). – 新华, 北京, 29/07/10. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2010-07/29/content_1667143.htm.

Гун Шанбао. 2012. Судьбу китайской экономики определяет малый и средний бизнес. *Китай* 4(78): 31–32.

Завадский, М. 2010. Гигант микроинноваций. *Эксперт* 38(722). URL: <http://www.expert.ru/expert/2010/38/>.

Корней, О. 2015. Молодые и успешные. *Китай* 6(116): 44–46.

Кульпин, Э. С. 2009. *Восток: природа – технологии – ментальность на Дальнем Востоке*. М.: ЛИБРОКОМ.

Кульпин, Э. С., Машкина, О. А.

2002. *Китай: истоки перемен (Образование и мировоззрение в 1980-х годах)*. М.: Московский лицей.

2014. Ключевые моменты модернизации КНР. *История и современность* 2(20): 135–146.

Ли Хуэйпэн. 2012. На сцену выходит «поколение пост-девяностого». *Китай* 7: 48–50.

Мокир, Дж. 2014. Главы: Китай и Европа. Анализ и сопоставления. В: Мокир, Дж. *Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. URL: <http://postnauka.ru/longreads/49465>.

Островский, А. В. 2013. Роль науки и техники в модернизации народного хозяйства КНР. *Партнерство цивилизаций* 4: 214–234.

Отклики, цифры и лица. 2014. *Китай* 11(109): 12.

Салтыков, Г. Ф. 1990. Традиции в современной китайской деревне (социально-психологические аспекты). *Информационный бюллетень ИДВ РАН* 11: 92.

Цзинь Ли. 2015. *Культурные основы обучения: Восток и Запад*. М.: Высшая школа экономики.

Чжунго цзяоюй ланьпи шу. Чжунго цзяоюй фачжань баогао (2014). (中国教育蓝皮书. 中国教育发展报告 (2014)). Синяя книга образования в Китае. Доклад о развитии образования Китая. 2014. Пекин: Из-во общественных наук.

Чжунго цзяоюй ланьпи шу. Чжунго цзяоюй фачжань баогао (2015). (中国教育蓝皮书. 中国教育发展报告 (2015)). Синяя книга образования. Доклад о развитии образования Китая (2015). Пекин: Изд-во общественных наук.

Чун Яту. 2015. Ревностное отношение. *Китай* 11(121): 40–43.

Ясин, Е. Г. 2009. *Модернизация России: доклады для 10 конференций*. Кн. 2. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Bothwell, E. 2015. Asian HE Expansion Producing More Graduates than Market Needs. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/asian-he-expansion-producing-more-graduates-market-needs>.

Hu Yifan. 2012. Cheaper Labor will Continue to Work for Economy. *China Daily* October 12. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-10/12/content_15824892.htm.

Su Zhou. 2015. Big Cities Luring Talent Despite Drawbacks. *China Daily* December 16: 5.